

Л. В. Ляпаева

**МОТИВ «ВИШНЕВОГО САДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
XX–XXI ВЕКОВ (А. ГЕЛАСИМОВ, В. СОРОКИН, В. ПЕЛЕВИН, В. РОПШИН)**

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье исследуется мотив «Вишневого сада» в романах А. Геласимова «Год обмана», В. Пелевина «Жизнь насекомых», В. Сорокина «Голубое сало» и в повести В. Ропшина «Конь вороной». Сравнительно-сопоставительный подход позволил выявить семантический потенциал мотива «Вишневого сада» и подчеркнуть своеобразие функционирования его в каждом из произведений, относящихся к разным эстетическим системам (реализм – постмодернизм). В романе М. Геласимова «Год обмана» мотив «Вишневого сада» реализуется через образы Шарлотты и Епиходова, создающие новую версию пьесы о чувствах и переживаниях героев. В романе В. Пелевина «Жизнь насекомых» Максим играет Гаева, образ которого насыщен постмодернистскими деталями: аквариум, бамбуковый меч, сапоги. В этом же ракурсе в романе В. Сорокина «Голубое сало» клонированный Чехов создает пьесу «Погребение Аттиса», в которой важен яблоневый сад и старый лакей Антон. Однако полного трагического смысла мотив «Вишневого сада» достигает в повести В. Ропшина «Конь вороной». Полученные результаты позволяют прийти к выводу о том, что мотив «Вишневого сада» полисемантивен и связан с формированием иной реальности, тяготеющей к гармонии, и важен как знак иллюзорности, потерянности, когда человек повержен в атмосферу тьмы и безысходности.

Ключевые слова: *А. Геласимов, А. Чехов «Вишневый сад», В. Сорокин, В. Пелевин, В. Ропшин, мотив, функция*

L. V. Lyapayeva

**MOTIF OF “THE CHERRY ORCHARD” IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS
IN THE 20TH – 21ST CENTURIES
(A. GELASIMOV, V. SOROKIN, V. PELEVIN, V. ROPSHIN)**

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article examines the motif of “The Cherry Orchard” in the novels “The Year of Deception” by A. Gelasimov, “The Life of Insects” by V. Pelevin, “Blue Fat” by V. Sorokin, and in the story “The Black Horse” by V. Ropshin. The comparative approach made it possible to reveal the semantic potential of “The Cherry Orchard” motif and emphasize the originality of its functioning in each of the works belonging to different aesthetic systems (realism – postmodernism). In M. Gelasimov’s novel “The Year of Deception”, the motif of “The Cherry Orchard” is implemented through the images of Charlotte and Epikhodov, who create a new version of the play about the feelings and experiences of the characters. In V. Pelevin’s novel “The Life of Insects”, Maxim plays Gaev, whose image is full of postmodern details: an aquarium, a bamboo sword, and boots. In the same perspective, in V. Sorokin’s novel “Blue Fat”, the cloned Chekhov creates the play “The Burial of Attis”, in which the apple orchard and the old footman Anton are important. However, the motif of “The Cherry Orchard” in V. Ropshin’s story “The Black Horse” reaches its full tragic meaning. The results obtained allow us to conclude that the motif of “The Cherry Orchard” is polysemantic and associated with the formation of a different reality, gravitating towards harmony and is important as a sign of illusory, dismay, when a person is plunged into an atmosphere of darkness and hopelessness.

Keywords: *A. Gelasimov, A. Chekhov "The Cherry Orchard", V. Sorokin, V. Pelevin, V. Ropshin, motif, function*

Введение. Проблема изучения произведения с точки зрения специфики мотивной структуры представляется достаточно перспективной, особенно когда речь идет о выявлении и функционировании таких дискурсов, которые позволяют рассматривать произведения в их «вертикальной и горизонтальной» рецепции, как считает И. В. Гюббенет [7, с. 3–5]. Обоснование мотивного подхода содержится в ряде работ И. В. Силантьева, И. Багратион-Мухранели [17], [2]. В частности, И. Силантьев считает, что возможности мотивного анализа таковы, что позволяют рассматривать мотив как «интертекстуальный повтор в системе разных повествований» в силу того, что «мотив континуален» [17, с. 113]. Исследование мотивной структуры продуктивно в тех случаях, когда сюжетно-фабульное начало произведений характеризуется слабостью фабульного элемента и преобладанием описательного [11, с. 43–44]. Цель данного исследования – выявить мотив «Вишневого сада» и раскрыть его семантический потенциал в произведениях, созданных в разных жанровых и эстетических системах.

Актуальность исследуемой проблемы. Характеризуя современный литературный процесс, исследователи отмечают, что диалог с классикой становится главной его особенностью [8, с. 28]. Формы, приемы, структура диалога в каждом произведении свои, при этом подчеркивается, что чеховский контекст является одним из значимых. Литературоведы (Т. Буслакова, В. Макарова, Е. Михина, Е. Петухова, А. Щербакова) говорят о «чеховском притяжении», «чеховском претексте», чеховских традициях в современной драматургии, обращаясь к творчеству Л. Петрушевской, Л. Улицкой, А. Слаповского, Н. Коляды [3, с. 15], [12, с. 135], [13, с. 69], [15, с. 106], [19, с. 84]. Исследователи отмечают, что чеховские дискурсы в произведениях драматургов представлены такими формулами, как «звук лопнувшей струны», «недотепа», «в Москву!», «многоуважаемый шкаф», «человек в футляре», «пропала жизнь», «вишневый сад» и другими. Однако мотив «Вишневого сада» представляется недостаточно исследованным именно в прозаических произведениях А. Геласимова В. Пелевина, В. Сорокина, В. Ропшина, что актуализирует избранный ракурс анализа.

Материал и методы исследования. Объектом исследования становятся произведения писателей XX–XXI вв., в которых чеховский мотив «Вишневого сада» является значимым структурным элементом, при этом он трансформируется, наполняясь новым содержанием в зависимости от специфики произведения и задач художника. Мотив «Вишневого сада» играет важную роль в произведениях А. Геласимова «Год обмана», В. Пелевина «Жизнь насекомых», В. Сорокина «Голубое сало», В. Ропшина «Конь вороной». Структурный и сравнительно-сопоставительный методы становятся основными при изучении данных произведений.

Результаты исследования и их обсуждение. Чеховские образы и мотивы прочно вошли в структуру произведений современных писателей и драматургов (В. Пьецух, Л. Улицкая, Л. Петрушевская). Произведения А. Геласимова «Год обмана» (2003), В. Пелевина «Жизнь насекомых» (1993), В. Сорокина «Голубое сало» (1999), В. Ропшина «Конь вороной» (1923) при всем своеобразии каждого объединяет обращение к пьесе А. Чехова «Вишневый сад» на уровне сюжетных параллелей, идей, цитат, мотивов, включений текстов-прецедентов.

Роман А. Геласимова «Год обмана» наиболее органично связан с пьесой «Вишневый сад». Возникающие параллели не случайны, а вписаны в структуру романа, оправданы сюжетом произведения: главная героиня Марина учится в одном из театральных вузов Москвы, и студенты репетируют дипломный спектакль «Вишневый сад» на даче.

Этот сюжетный ход позволяет и воссоздать общую атмосферу репетиции, и выявить отношение к классику, и увидеть очередную интерпретацию пьесы с новыми акцентами. Комментарии к репетируемой пьесе становятся не только оправданными элементами, но и знаковыми событиями, характеризующими не только современность, но и судьбоносные моменты жизни главных героев – Марины, Михаила Воробьева и Сергея. Этот современный любовный треугольник насыщен не только роскошью быта сына миллионера Сергея и «благородной бедностью» других героев, но и искренностью чувств и обманом, столкновением мечты и действительности. У каждого из героев свои причины отдалиться от правды, запутываясь все глубже в обмане. Так, Сергей, для которого Марина является идеалом (она похожа на Одри Хепберн), не может сказать правды о себе, сочиняет биографию провинциального мальчика-студента из Калуги и следует ей, оставляя, как ему кажется, так свободу выбора для Марины. Михаил, влюбившись в Марину, напротив, изображает состоятельного человека с машиной, не являясь им, потому что таковы условия его службы – слежки у отца Сергея. Сама Марина, несмотря на молодость, много пережила и испытала, потеряла мать, помогает отцу растить младшего брата, заботится о них. Она добра, сострадательна, умна, с удовольствием занимается в институте – этими качествами притягивает людей. Но правды о своих друзьях она не знает и верит тому, что они говорят о себе. Мотив «Вишневого сада» способствует раскрытию характера Марины. Единственным зрителем на репетиции пьесы оказывается Михаил, который не сразу понимает, куда попал, воспринимая реплики из пьесы буквально, но ситуацию поправляет Марина: «Это же Чехов, мы тебя совсем запутали» [5, с. 190]. Михаил вспоминает «Вишневый сад» и понимает, что здесь, в пьесе, расставлены другие акценты, второстепенные герои оказываются интереснее, чем главные, – прежде всего Шарлотта и Епиходов. Марина играла Шарлотту и, как и положено, говорила с немецким акцентом, показывала фокусы и ела огурцы. Но главное в игре Марины – это ее монолог о родителях, об одиночестве, который она произносила так, что «пробирала дрожь». Роль Епиходова тоже пронизана было чувством – актер играл грусть. Эти два образа создавали другую версию пьесы: она становилась пьесой о чувствах и очень личных переживаниях героев, а потом уже пьесой о судьбе вишневого сада. Такая трактовка пьесы Чехова синхронно отражается в сюжете романа и историях Марины, Сергея и Михаила, когда каждый из героев, по сути, является чеховским персонажем полужеста, героем еще не реализованных сил и поворотов судьбы. Герои романа ищут места прежде всего в устройстве частной жизни, профессиональный статус не сформирован. И вот этим «не» герои романа напоминают чеховских с их неторопливостью, бездействием. Структура времени в романе А. Геласимова также напоминает драматическое действие пьесы А. Чехова: временной спектр событий сжат до предела – есть «здесь и сейчас», нет прошлого (оно едва намечено пунктирно у Марины), будущее аморфно и героев, по сути, не интересует. В пьесе Чехова все развивается в настоящем времени, экскурсии в прошлое возникают у Раневской, Гаева, Лопахина, мыслями о будущем заняты только Петя Трофимов и Аня. Однако особенность пьесы, как справедливо замечает А. Генис, в том, что не герои являются центром: «Сад – вершинный образ... Сад – синтез умысла и провидения... Сад – это совершенное сообщество... Сад – это универсальный чеховский символ... Сад – слияние единичного со всеобщим» [4, с. 188]. Эта составляющая пьесы А. Чехова в сюжете произведения А. Геласимова отсутствует, поскольку все сосредоточено на тех доминантных признаках романного мышления, которые формируют, по выражению самого автора, «роман воспитания с эффектом наоборот» [10, с. 210], [20, с. 45].

Пьеса Чехова «Вишневый сад» в другом ракурсе представлена и в постмодернистском романе В. Пелевина «Жизнь насекомых». В контексте беседы двух приятелей возникает экскурс, из которого становится ясно, что Максим задействован в спектакле

«Вишневый сад». Самой постановочной версии спектакля в романе нет, но Максим, которому досталась роль Гаева, рассказывает о предстоящем спектакле и о своей личной актерской задаче: «...не все еще с кульминацией ясно. Я ее до конца не увидел... Это точка, которая высвечивает всю роль. Для Гаева это место, где ему говорят, что должность нашли в банке... в это время все стоят с бамбуковыми палками... И тут ему на голову надевают аквариум. И он роняет бамбуковый меч» [14, с. 170]. На вопрос Никиты, зачем все это (аквариум и бамбуковый меч. – Л. Л.), ибо в пьесе Чехова этого нет, Максим говорит, что этого требует постмодернизм. Отношение Никиты к этой интерпретации выражено через общие размышления о самом постмодернизме, точнее, его неприятии: «А постмодернистов я не люблю. Искусство советских вахтеров. Им на посту было скучно просто так сидеть. Вот они постмодернизм и придумали» [14, с. 170].

В постмодернистском романе «Голубое сало» В. Сорокин изображает «мир распавшихся знаков», разоблачает затвердевшие знаки прошлой культуры, демонстрирует на месте распада пустоту [18, с. 190–191]. Так появляется клонированный Чехов-2, который создает пьесу «Погребение Аттиса», представляющую собой сплетение сюжетных перипетий ряда пьес реального писателя. Отголоски «Вишневого сада» можно увидеть и в том, что основным местом действия становится яблоневый сад, из героев важен старый лакей Антон, который хоронит в саду пса Аттиса и при этом недовольно ворчит. Именно эти детали – сад и старый лакей Антон, напоминающий Фирса, – отсылают к пьесе «Вишневый сад». Игровая стихия распространяется на всю классику, расплываемую в романе, что справедливо подвергалось критике [1, с. 182], [6, с. 198]. Но есть и другое парадоксальное объяснение этой постмодернистской игре, осмысленной Ю. М. Лотманом в работе «Культура и взрыв»: «Искусство расширяет пространство непредсказуемого – пространство информации и одновременно создает условный мир, экспериментирующий с этим пространством и провозглашающий торжество над ним... путь, у которого нет конца, окно в непредсказуемый и лежащий по ту сторону логики и опыта мир» [9, с. 42]. Эта условность преобладает в постмодернизме, в его свободной игре с классикой.

Полного трагического смысла достигает мотив «Вишневого сада» в повести В. Ропшина (настоящие имя и фамилия – Б. Савинков) «Конь вороной». Особенность произведения в том, что оно посвящено изображению событий Гражданской войны не из стана «красных», а из стана «белых». Мотив «Вишневого сада» – один из важнейших мотивов в повести – взаимодействует с мотивами свободы, единения, смерти, передает общую трагедию времени и конкретно отражает судьбу главного героя повести – интеллигента, полковника Юрия Николаевича. Именно для него мотив «Вишневого сада» связан прежде всего с трагической судьбой России, с братоубийственной войной, где нет победителей, правых и виноватых. Осознание происходящей братоубийственной войны, когда все залито «клюквенным соком», происходит через наслоения культурных пластов – Библия, Ницше, Пушкин, Блок и Чехов: «...Мы выросли в вишневом саду... Но мы знали Ницше... И пальнули в святую Русь» [16, с. 52]. И вместе с тем для Юрия Николаевича мотив «Вишневого сада» – это ностальгический образ прошлого. В произведении «Конь вороной» семантика мотива «Вишневого сада» максимально приближена к Чехову.

Выводы. Несмотря на то что произведения А. Геласимова, В. Пелевина, В. Сорокина, В. Ропшина созданы в разных эстетических системах (реализм – постмодернизм) и разных периодах литературного процесса XX–XXI веков, отражающего события разных лет, мотив «Вишневого сада» формирует некое единое смысловое поле, в котором картина мира определяется его трансформацией. Чеховский мотив «Вишневого сада» многогранен, является структурой, которая каждый раз обновляется, наполняясь новым содержанием, отражая художественный мир произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамович М.* Юдифь с головой Олоферна. Псевдоклассика в русской литературе 90-х годов // *Новый мир*. – 2001. – № 7. – С. 168–186.
2. *Багратион-Мухранели И.* Мотивная структура как один из способов трансляции традиции // *Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия «Универсалии культуры»*. Вып. VII : монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 299–316.
3. *Буслакова Т. Т.* Современная русская литература: тенденции последнего десятилетия. – М. : Высш. шк., 2008. – 128 с.
4. *Вайль П., Генис А.* Родная речь. Уроки изящной словесности : сб. литературно-критических эссе. – Изд. 2-е, дораб. – М. : Независ. газета, 1992. – 192 с.
5. *Геласимов А. В.* Год обмана. – М. : Издательство «Э», 2016. – 352 с.
6. *Генис А.* Лук и капуста. Парадигмы современной культуры // *Знамя*. – 1994. – № 8. – С. 188–200.
7. *Губбенет И. В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
8. *Катаев В. Б.* Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 251 с.
9. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. – М. : Гнозис, 1992. – 272 с.
10. *Ляпаева Л. В.* Доминанта романного сознания в «малой прозе» к. XIX – н. XX веков (М. Горький, И. Бунин, Б. Зайцев) // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2013. – № 2. – С. 210–213.
11. *Ляпаева Л. В.* Некоторые особенности мотивной структуры повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // *Классика и современность*. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 43–48.
12. *Макарова В. В.* Чеховский интертекст в пьесах неореалистов 2000-х гг.: конструктивное осмысление классики // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. – 2012. – Вып. 10. – С. 135–141.
13. *Михина Е. В.* Повесть А. П. Чехова «Дама с собачкой» в интертекстуальном зеркале // *Литература в контексте современности : материалы III междунар. науч.-метод. конф. (Челябинск, 15–16 мая 2007)*. – Челябинск, 2007. – С. 64–69.
14. *Пелевин В. О.* Жизнь насекомых. – М. : АСТ, 2021. – 288 с.
15. *Петухова Е. Н.* Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века. – СПб. : Изд-во гос. ун-та экономики и финансов, 2005. – 118 с.
16. *Ропшин В.* Конь вороной. Повести. – Ижевск : Удмуртия, 1990. – 200 с.
17. *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 295 с.
18. *Сорокин В. Г.* Голубое сало. – М. : АСТ CORPUS, 2021. – 512 с.
19. *Щербакова А. А.* Чеховский текст в современной драматургии // *А. П. Чехов: байкальские встречи : сб. науч. тр. / под ред. А. С. Собенникова*. – Иркутск, 2003. – С. 83–89.
20. *Якобсон Р. О.* Доминанта // *Хрестоматия по теоретическому литературоведению : в 5 вып.* – Вып. 1 / подгот. Игорь Чернов; Тартус. гос. ун-т. – Тарту, 1976. – С. 56–64.

Статья поступила в редакцию 19.02.2022

REFERENCES

1. Adamovich M. Yudif' s golovoj Oloferna. Psevdoklassika v russkoj literature 90-h godov // *Novyj mir*. – 2001. – № 7. – S. 168–186.
2. Bagration-Muhraneli I. Motivnaya struktura kak odin iz sposobov translyacii tradicii // *Russkij tradicionalizm: istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya. Seriya «Universalii kul'tury»*. Vyp. VII : monografiya / otv. red. N. V. Kovtun. – M. : Flinta : Nauka, 2016. – S. 299–316.
3. Buslakova T. T. Sovremennaya russkaya literatura: tendencii poslednego desyatiletija. – M. : Vyssh. shk., 2008. – 128 s.
4. Vajl' P., Genis A. Rodnaya rech'. Uroki izyashchnoj slovesnosti : sb. literaturno-kriticheskikh esse. – Izd. 2-e, dorab. – M. : Nezavis. gazeta, 1992. – 192 s.
5. Gelasimov A. V. God obmana. – M. : Izdatel'stvo «E», 2016. – 352 s.
6. Genis A. Luk i kapusta. Paradigmy sovremennoj kul'tury // *Znamya*. – 1994. – № 8. – S. 188–200.
7. Gyubbenet I. V. Osnovy filologicheskoi interpretacii literaturno-hudozhestvennogo teksta. – M. : Izd-vo MGU, 1991. – 205 s.
8. Kataev V. B. Igra v oskolki: sud'by russkoj klassiki v epohu postmodernizma. – M. : Izd-vo MGU, 2002. – 251 s.
9. Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv. – M. : Gnozis, 1992. – 272 s.
10. Lyapaeva L. V. Dominanta romannogo soznaniya v «maloj proze» k. XIX – n. XX vekov (M. Gor'kij, I. Bunin, B. Zajcev) // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2013. – № 2. – S. 210–213.
11. Lyapaeva L. V. Nekotorye osobennosti motivnoj struktury povesti B. Zajceva «Golubaya zvezda» // *Klassika i sovremennost'*. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2007. – S. 43–48.

12. Makarova V. V. Chekhovskij intertekst v p'esah neorealitov 2000-h gg.: konstruktivnoe osmyslenie klassiki // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2012. – Vyp. 10. – S. 135–141.
13. Mihina E. V. Povest' A. P. Chekhova «Dama s sobachkoj» v intertekstual'nom zerkale // Literatura v kontekste sovremennosti : materialy III mezhdunar. nauch.-metod. konf. (Chelyabinsk, 15–16 maya 2007). – Chelyabinsk, 2007. – S. 64–69.
14. Pelevin V. O. Zhizn' nasekomyh. – M. : AST, 2021. – 288 s.
15. Petuhova E.N. Prityazhenie Chekhova: Chekhov i russkaya literatura konca XX veka. – SPb. : Izd-vo gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2005. – 118 s.
16. Ropshin V. Kon' voronoi. Povesti. – Izhevsk : Udmurtiya, 1990. – 200 s.
17. Silant'ev I. V. Poetika motiva. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 295 s.
18. Sorokin V. G. Goluboe salo. – M. : AST SORPUS, 2021. – 512 s.
19. Shcherbakova A. A. Chekhovskij tekst v sovremennoj dramaturgii // A. P. Chekhov: bajkal'skie vstrechi : sb. nauch. tr. / pod red. A. S. Sobennikova. – Irkutsk, 2003. – S. 83–89.
20. Jakobson R. O. Dominanta // Hrestomatiya po teoreticheskomu literaturovedeniyu : v 5 vyp. – Vyp. 1 / podgot. Igor' Chernov; Tartus. gos. un-t. – Tartu, 1976. – S. 56–64.

The article was contributed on February 19, 2022

Сведения об авторе

Ляпаева Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5228-7662>, lar.lyapaeva@yandex.ru

Author Information

Lyapaeva, Larisa Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5228-7662>, lar.lyapaeva@yandex.ru